

Когдаходишь к Городу с моря, то он постепенно вырастает неровной стеной за густым частоколом мачт, труб и порталных кранов, напоминающих гигантских журавлей, а над всем этим царит силуэт Оперы: синевато-серый двойной купол и четыре высоких трубы с громотводами...

Прожив два десятка лет в Алма-Ате, я почти ежегодно летал в Одессу и иногда заходил в мастерскую художника Вити Векслера на Преображенской улице. Она занимала помещенье, похожее на мансарду — что-то вроде шестого этажа. В одном из окон мастерской сквозь дымку была видна голубоватая полоска моря, сливающаяся с выцветшим июльским небом, купы акаций, кленов и крыши, крыши!.. Художник рисовал вид из окна в разные времена года, и на больших листах торшона появлялись изумрудная весенняя зелень под шелково-синим майским небом, желтый и серый ракушечник старых одесских домов; мокрые осенние крыши, блестящие под дождем, словно неровные зеркала; косою снежный пикнотир, а где-то над всем этим — все тот же выразительный двойной купол...

* * *

Смешение разных, зачастую несовместимых архитектурных стилей называют эклектикой. Но это уже, собственно, не стиль... В Опере можно обнаружить классическое венское и украинское барокко, рококо, итальянское Возрождение и еще Бог знает что! Спроектированный австрийскими архитекторами Г. Гельмером и Ф. Фельнером театр возвели и внесли в него много своего, одесского, архитекторы А. Бернардацци, Ф. Гонсиоровский и Ю. Демитренко; скульптурные украшения в зале создал Товий Фишель...

В 70-х годах я учился в аспирантуре Одесского сельхозинститута, и у нас на кафедре ботаники много лет работала уже немолодая лаборантка Эмма Товиевна Фишель. Как-то я спросил ее: "Эмма Товиевна! В Пассаже есть мраморная доска, и на ней вырезана фамилия Т. Фишель. Это не ваш родственник?" "Это мой папа... Он делал скульптуру в Пассаже... И в Опере тоже..."

Над Театральным переулком (ныне пер. Чайковского) нависла тыльная стена Оперы. Когда стоишь рядом с нею, она кажется бесконечной! Слева в переулок спускается широкая чугунная лестница с гербами Города — почему-то их не сняли когда-то, и они сохранились вместе со своими якорями-кошками и царскими двуглавыми орлами... Внизу на тумбах — большие торшеры на чугунных львиных лапах. И огромный платан, протянувший свои мускулистые руки ветви над лестницей...

В дождливую погоду, в туман вниз по ветвям и стволу платана медленно ползут клочки пены, а в ясные дни кажется, что листья его, похожие на зубцы короны, излучают свет.

С другой стороны театра была когда-то очень узкая и крутая лестница в проходе ущелья между стеной Оперы и соседним домом. Я сказал — была... Вообще-то она существует и поныне — с сильно вытертыми посередине ступенями. Но старый дом давно разрушили, на его месте построили новую лестницу, а старую отгородили, и по ней уже никто не ходит. Мой приятель Саша Розенбойм назвал ее однажды "покойной лестницей"...

* * *

Я хорошо помню баррикаду перед Оперой... Это было в августе 1941 года. Мешки с песком, вывороченные из мостовой гранитные кубики, старые шпалы, трамвайные рельсы. А потом... Потом в Городе были немцы и румыны.

"Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории музыки и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря тому, что Красная Армия быстро заняла Одессу, им не удалось осуществить свой варварский план".

"О злодеяниях, учиненных немецко-румынскими захватчиками в городе Одесса и районах Одесской области" (Украинское государственное издательство; Киев, 1944).

Январь 1949 года... Я иду с папой в Оперу, да еще и на "Евгения Онегина"! Событие значительное в моей жизни! Театр мне даже снился... Этому походу предшествовали долгие разговоры, расспросы, приготовления. Вообще-то мы с мамой смотрели балет Р. Глиэра "Красный мак", но я был тогда совсем маленьким и запомнил только, как на огромном блюде кланяющиеся люди в черном вынесли на сцену... маленькую голую женщину с ярким веером и красным цветком в волосах, очень похо-

Эрнст ЧЕРНЕНКО

ОПЕРА

Светлой памяти Коли — друга детства и зрелых лет...

жую на папину родственницу тетю Тамару — она была солисткой балета... Через много лет мама рассказала мне, что тетя Тамара была одета тогда в плотное трико телесного цвета... В нашей семье рассказывали легенду о том, что, когда я родился и эмоциональная тетя Тамара узнала, как меня назвали (Эрнст, Эрик), она разрыдалась: "Почему ребенка так назвали? У нашей соседки собачку зовут Эрик..."

Так что, в сущности, на опере я еще не был в театре, да и вообще забыл, как он выглядит. Но вот мы с папой сидим в первом ряду амфитеатра, у самого барьера. Я ошеломлен буквально всем: поблекшей позолотой лепнины на балконах и потолке, гигантской люстрой, изрядно вытертым темно-вишневым бархатом кресел, кое-где сорванным или вырезанным, оживленной толпой, каким-то особенным и неповторимым запахом, который можно почувствовать только в старом театре. Зрители в основном были одеты кто во что (ведь и четырех лет не прошло, как окончилась война), но изредка попадались темные вечерние платья с декольте (что почему-то слегка смутило меня), белоснежные боа на зябнувших плечах — театр еще плохо отапливали; строгие черные костюмы с блес-

тящими лацканами и уголком белого платочка в нагрудном кармане. Во всем чувствовалась какая-то торжественность, истовость, как в храме. В театр пришел ЗРИТЕЛЬ!

Заиграл оркестр. Сначала я не понял, откуда идет звук: акустика зала была великолепной, а я почему-то не связывал музыку с оркестровой ямой и освещенными нотами на люпитрах. Потом медленно поплыл вверх тяжелый занавес... Помню Татьяну в голубом платье, с длинными косами — они мне показались слишком уж длинными, почему-то очень толстую, но удивительно подвиж-

продолжением... Наконец, трижды погасили лампы в золоченых торшерах и причудливых бра, и мы с папой вошли в зал. Снова медленно пополз вверх занавес, на сцене в изящном вальсе закружились пары; Татьяна уже была в нарядном бальном платье и большом темно-малиновом берете с белоснежным плюмажем, ее вел под руку седой военный с пышными эполетами... Я смотрел на сцену, но действие воспринимал довольно смутно — вокруг была МУЗЫКА... Наконец, Татьяна оставила Онегина перед закрытой дверью, дирижер резко бросил руки в стороны и вниз.

* * *

Опустился занавес, артисты снова кланялись перед кроваво-красным занавесом в пыльных полосах света, народ повалил из зала, а я все еще сидел... Папа тронул меня за плечо: "Пойдем... Уже все закончилось, и больше ничего не будет..."

В школьные годы, начиная примерно с шестого класса, я часто ходил в Оперу, причем исключительно на воскресные, утренние спектакли, благо билеты на них стоили дешевле... Однажды (это было в конце февраля 1953 года, незадолго до смерти Усатого...) мама выделила мне два рубля, я заранее купил билет и в воскресенье отправился в театр. В одном спектакле давали "Вальпургиеву ночь" и "Паяцев". На одном дыхании, без перерыва прозвучала изящная и торжественная музыка Гуно, отплясала свой бурный танец Огненная ведьма, отгремел-отбушевал бесовский шабаш, после антракта медленно погасили огни, и дирижер Русинов, перегнувшись через пульт, что-то сказал первому скрипачу, а потом поднял руки, медленно опустил их, полилась мелодия вступления, и после короткой паузы в центре светового круга на занавесе из складок возник (именно

В Питере отстояли, а в Одессе — отстоим?

Общественность города ведет затяжной и пока безуспешный бой за то, чтобы Дом книги на Дерибасовской остался Домом книги. Оказывается, подобная ситуация сложилась и в Питере. И там ленинградцы победили. Нам в пример! Об этом в конце февраля рассказала "Литературная газета".

Петербургский Дом книги останется на Невском проспекте еще как минимум 49 лет

В последние годы не прекращались попытки выселить Дом книги из исторического особняка Зингера на Невском. Предлог — необходимость эффективного использования недвижимости в центре города, которую можно разбить на офисы и с выгодой сдать в аренду. Эту почти predetermined акцию группа известных писателей в письме, опубликованном "ЛГ", назвала "коммерческой зачисткой" и новым унижением питерской интеллигенции. Обращаясь к Смольному, литераторы требовали учесть и документально закрепить особый статус Дома книги как уникального учреждения культуры и лидера российской книжной торговли.

Здание на Невском проспекте, 28, построенное по проекту Сюзора для компании по изготовлению швейных машин "Зингер", — памятник архитектуры, один из первых образцов модерна в Петербурге. Для его фасада скульптор Адамсон создал образы "Промышленность" и "Морепла-

вание", а в конструкции впервые в России был применен железный остов, поддерживающий все полы и перекрытия. Вскоре после Октябрьской революции, 19 декабря 1919 года, здесь открылся первый государственный книжный магазин Петрограда. Сегодня Дом книги — не только символ культурной столицы, но и успешное хозяйственное предприятие, о чем говорят растущие год от года налоговые поступления в бюджет и расходы на собственное развитие, расширение торговой сети (сейчас это семь магазинов), не говоря уже о закупках книг, оно ни копейки не берет у города.

И вот, наконец, здравый смысл возобладал! Как рассказал "ЛГ" вице-губернатор Петербурга Валерий Назаров, особняк передан Дому книги на 49 лет, причем решением правительства с ним будет заключен договор прямой аренды. Он подтвердил, что Дом книги — в числе немногих эффективных ГУПов (государственных унитарных предприятий), его рентабельность превышает 20 %. ГУПы (в Петербурге их почти тысяча) — большая тема для городской администрации. В

минувшем году 26 из них упразднено, около ста планируется реорганизовать. Дом книги отныне оставят в покое, более того, город передает ему дополнительные площади под магазины в Кронштадте, у метро "Пионерская", в Красном Селе и Московском районе. Это очень актуально для жизни городских окраин: поездки на маршрутке в Дом книги подчас удваивают стоимость покупки. Да и тесно уже гиганту на двух этажах особняка, где ежедневно совершается более 20 тысяч покупок.

Вместе с тем благодаря внесенным в устав Дома книги изменениям город не допустит изменения профиля его деятельности. Но вот насколько новый договор гарантирует стабильность положения самого Дома книги, защитит его от возможных притязаний переменчивых властей? По мнению директора предприятия Галины Самохваловой, в ближайшие полвека перевезти ему не грозит, что можно считать победой писательской и читательской общности. Кстати, в его ассортименте наряду с художественной очень широко представлена специальная литература: ее в буквальном смысле "КамАЗами" везут из Москвы, где находится большинство специализированных издательств.

Аркадий СОСНОВ.

"В ХИРУРГИИ"

Так считает заведующий торакальным отделением Одесской областной клинической больницы, кандидат медицинских наук, хирург высшей категории Павел Павлович Шипулин. Весь его 27-летний опыт хирурга и весь опыт отделения,

которое в апреле нынешнего года будет праздновать свой полувек юбилей, подтверждает это. И такая команда в отделении уже давно есть.

Она начала формироваться еще при первом заведующем отделением, доценте Иване Пантелеймоновиче Белявском, и его последователях, окончательно сформировалась при замечательном хирурге, доценте Виталии Васильевиче Пироженко, много лет возглавлявшем отделение. И эта традиция команды только укрепилась при предшественнике Павла Павловича Шипулина, Марии Семеновне Бережной, до сих пор ведущей поликлинический прием в больнице.

Фактически нет видов хирургической помощи больным с патологией грудной клетки, которые бы не оказывались в торакальном отделении. И при онкологических заболеваниях, и при различных травмах груди (специалисты отделения круглосуточно готовы выехать в любой район области для оказания помощи), и при заболеваниях пищевода, когда необходимо хирургическое вмешательство с последующей т. н. пластикой и реконструкцией удаленных органов. Раньше для таких операций необходимо

Фибробронхоскопию проводят старший ординатор Сергей Агеев и сестра эндоскопического кабинета Лариса Михайлова.